

жайшія же окрестности города прямо обращены въ свалочное мѣсто, охватывающее кольцомъ городъ. При страшной нечистоплотности монголовъ, да и китайцевъ, эта особенность города съ каждымъ годомъ усиливается, вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Единственными благодѣтелями населенія являются собаки. Стаи голодныхъ никому не принадлежащихъ огромныхъ собакъ окружаютъ огромный городъ со всѣхъ сторонъ, и питаются онѣ только отбросами. Днемъ пройти за городъ еще безопасно, ибо днемъ собаки ведутъ себя болѣе или менѣе скромно, но съ наступленіемъ темноты „ургинскіе санитары“ дѣлаются звѣроподобными, и опоздавшій путникъ, при желаніи попасть въ городъ, рискуетъ быть съѣденнымъ голодными собаками. Товарищамъ по экспедиціи неоднократно приходилось прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ оружію; не вооруженные револьверами мы по вечерамъ не выходили.

Верстахъ въ трехъ, выше по долинѣ Толы, на высокомъ плато находится русское консульство, состоящее изъ большого двухъ-этажнаго каменнаго дома консула съ храмомъ и цѣлаго ряда построекъ для служащихъ консульства и нѣскольکو частныхъ домовъ, среди которыхъ особенно выдаются усадьбы, принадлежавшія прежде Бодмаевымъ, и роскошныя, но пустыя постройки русско-китайскаго банка. Мѣсто, отведенное подъ консульство, огромное, прекрасное, отдѣлено рвомъ, но, къ сожалѣнію, не застраивается. За 40 лѣтъ существованія русскаго консульства, при поразительно благопріятной обстановкѣ, сдѣлано нами такъ мало, что нужно поражаться нашей бездѣятельности и тому запустѣнію, которое производитъ на свѣжаго человѣка русское консульство. Постоянныхъ русскихъ жителей въ Ургѣ насчитываютъ 600 человѣкъ; такая большая русская колонія рѣшительно ничѣмъ себя не заявила. Разбросанная, разрозненная, конкурирующая въ грошевыхъ расчетахъ между собою, неимѣющая общественныхъ идеаловъ и задачъ, влачить русская колонія жалкое существованіе, не создавъ за многолѣтнее свое существованіе не только господствующаго, вліятельнаго положенія, но даже сколько-нибудь замѣтнаго, отличительнаго характера. Взгляните на единственный разсадникъ просвѣщенія: Ургинскую переводческую школу. Старыя развалившіяся постройки похожи не то на большую, негодную къ жизни, кухню, не то на какой-то сарай. Въ большой двенадесятый русскій праздникъ Св. Троицы въ храмѣ, единственномъ, заброшенномъ отъ родины на сотни верстъ среди монгольскихъ степей, въ центрѣ ламаизма,—совершается богослуженіе, и ни одного молящагося изъ 600 русскихъ жителей. Вѣроятно, не хватило

времени посѣтитъ храмъ даже въ такой великій день.. Все грошевые расчеты.

Еще выше по долину р. Толы, верстахъ въ 4 отъ консульства, раскинулся, тѣсно и по-китайски благоустроено, китайскій городокъ: ургинскій маймачень. Прямые улицы, нѣкоторыя даже благоустроенныя, обширные дворы, съ хорошими фанзами, и огромные склады, большой роскошно обставленный храмъ, общественное собраніе, нѣчто въ родѣ биржи, торговый банкъ, телеграфъ; городъ управляется выборными старшинами. Этотъ городокъ собственно слѣдуетъ признать центромъ монгольской торговли, такъ какъ въ немъ главнымъ образомъ сосредоточены крупные оптовые склады богатѣйшихъ фирмъ, раскинувшихъ свои дѣла во всѣхъ уголкахъ обширной Монголіи; эти склады имѣютъ прямые сношенія съ Китаемъ, отпуская отъ себя товары во второстепенные склады разныхъ городовъ, хошуновъ и монастырей Монголіи. Есть фирмы, обороты которыхъ достигаютъ до 2-хъ милліоновъ рублей въ годъ. Недавно еще открывшійся банкъ сильно развиваетъ свои операціи, поддерживая, главнымъ образомъ, китайцевъ.

Итакъ, Урга состоитъ изъ трехъ частей: „Курень“, „Консульство“ и „Маймачень“.

Къ характеристикѣ дѣятельности въ Ургѣ русскихъ и китайцевъ не лишне, можетъ-быть, будетъ рассказать, какъ насъ встрѣтила Урга.

Торговая экспедиція, снаряженная крупнѣйшими русскими промышленно-торговыми фирмами, конечно, должна была бы сильно импортировать. Что же мы увидѣли въ Ургѣ? Наше правительство хотѣло непременно придать больше блеску экспедиціи, и потому заранѣе объ этомъ было предупреждено консульство; консула просили устроить блестящую встрѣчу, даже выслать навстрѣчу почетный конвой отъ сотни казаковъ, стоящей безъ всякаго дѣла въ Ургѣ. Какъ уже выше было сказано, экспедиція скромно, ночью, въѣхала въ Ургу, едва добилась возможности укрыться отъ непогоды подъ крышу на ночлегъ. Русская торговая колонія знала, что идетъ московская экспедиція, но не только ничего не предприняла, чтобы сдѣлать изъ появленія экспедиціи національное дѣло, „русскій праздникъ“, но спряталась и почти враждебно встрѣтила московскихъ посланныхъ. Консулъ побоялся уронить свое превосходительное достоинство личной встрѣчей экспедиціи, начальникъ конвоя нашелъ какой-то предлогъ выѣхать совсѣмъ изъ Урги. Не встрѣтивши русскую крупную спеціально торгово-промышленную экспедицію, пришедшую на помощь русскому дѣлу въ Монголіи, русская колонія и дальше держала себя далеко отъ экспедиціи. Товарищи,

члены экспедиціи, сами пошли съ визитами къ коммерсантамъ Урги, посѣтили ихъ магазины; конечно въ разныхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали различно, нѣкоторые приглашали къ себѣ отдѣльныхъ членовъ домой. Но общаго національнаго дѣла не было. Нужно же было хотя бы разъ собраться вмѣстѣ и обсудить, въ какой поддержкѣ нуждается наше русское дѣло въ Монголіи, какими путями Россіи развивать свое дѣло въ Монголіи, чѣмъ можетъ помочь экспедиція. И вотъ при содѣйствіи консула и, такъ сказать, мѣстныхъ властей (старшины), по повѣсткѣ, въ квартиру экспедиціи едва собрались нѣсколько коммерсантовъ. Говорили долго и много, но все больше жалобы на правительство, на консульство, на промышленность. Широкихъ взглядовъ, обобщительныхъ выводовъ—исторіи и сущности торговли не услышала экспедиція.

Китайскіе коммерсанты, при первомъ намекѣ на желаніе поговорить сообща, устроили это дѣло блестяще. Они пригласили экспедицію къ себѣ въ Маймаченъ, гдѣ въ общественномъ собраніи устроили торжественную, блестящую встрѣчу; въ парадныхъ костюмахъ старшины купечества и виднѣйшіе представители крупныхъ фирмъ всѣ были вмѣстѣ, всѣ радушно встрѣчали московскую экспедицію, во время гостепріимнаго завтрака начался оживленный весьма интересный обмѣнъ мнѣній по торговымъ вопросамъ. Китайскіе коммерсанты отлично знаютъ Москву и ея производительность, они понимаютъ и значеніе экспедиціи. Поскольку возможно въ коммерческомъ дѣлѣ, съ достаточно откровенностью объясняли намъ китайскіе коммерсанты сущность экономическаго положенія Монголіи, характеръ и условія торговли въ Монголіи, операціи банковъ, китайскихъ фирмъ, причины пониженія или увеличенія оборотовъ, повышенія цѣнъ на товары, условія обмѣна товарами между Китаемъ и Россіей, причины, дурно вліяющія на этотъ обмѣнъ, и т. д. Словомъ, обмѣнъ мнѣній живой, интересный, достаточно свободный и откровенный.

Наши члены экспедиціи, представители фирмъ, съ живымъ интересомъ слушали, записывали и спрашивали. Послѣ завтрака намъ показали храмъ, затѣмъ просили посѣщать склады, магазины, гдѣ намъ покажутъ все, что насъ можетъ интересовать. На слѣдующій день китайскіе купеческіе старшины были у насъ съ отвѣтнымъ визитомъ, осматривали товары, образцы, и продолжался интересный обмѣнъ мнѣній.

На третій день послѣ прибытія нашего въ Ургу пришелъ и нашъ караванъ товаровъ. Закипѣла работа... Нужно было устроить выставку товаровъ и открыть свою торговлю. Почти въ одинъ день все было устроено.

14 іюня предполагали открыть нашу торговлю, но въ 9 часовъ утра пріѣхали два монгольскихъ князя съ большою свитою: князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ и князь Намсарай-гунъ. Оказалось, что оба князя очень вліятельные въ Монголіи по величинѣ и богатству своихъ хошуновъ и близкіе князя Богдо-гыгена. Посѣщеніе ими нашей торговли-выставки поэтому являлось чрезвычайно важнымъ въ глазахъ монгольскаго населенія и особенно въ глазахъ ургинскаго населенія. Князьямъ были показаны товары, образцы и было предложено угощеніе. Умный, живой, развитой князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе; по окончаніи визита князь предложилъ намъ въ 2 часа пожаловать во дворецъ Богдо-гыгена съ товарами. Это было предложеніе очень интересное и важное. Еще наканунѣ мы обращались къ нашему консулу за содѣйствіемъ устроить намъ возможность побывать у Богдо-гыгена и показать ему наши товары. Но консулъ опредѣленнаго обѣщанія намъ не далъ, говоря, что это устроить очень трудно и что даже князю Ухтомскому не удалось побывать у Богдо-гыгена. Пришлось обойтись безъ помощи консула, и вечеромъ при содѣйствіи одного монгольскаго крупнаго дѣятеля все дѣло устроилось просто и быстро. Въ 2 часа дня мы всѣмъ составомъ экспедиціи, съ двумя возами товаровъ, были уже у Богдо-гыгена.

Богдо-гыгенъ принялъ насъ во дворѣ своей резиденціи. Сначала онъ къ намъ не вышелъ, а выходила только его жена и князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ; черезъ нихъ мы передавали наши товары. Богдо-гыгенъ осматривалъ всѣ товары и, что ему нравилось, выбиралъ, рядился въ цѣнѣ; наконецъ, самъ началъ насъ угощать музыкой на грамофонѣ, ставя пластинки русскихъ народныхъ пѣсенъ и спрашивая насъ, нравится ли это намъ. Характеръ пріема былъ такой, какой онъ дѣлалъ всѣмъ купцамъ какъ русскимъ, такъ и китайскимъ, т.-е. на дворѣ. Сначала это насъ нѣсколько шокировало, но потомъ непріятное впечатлѣніе сгладилось особою любезностью Богдо-гыгена, который потомъ вышелъ къ намъ изъ своей комнаты и даже спустился во дворъ, благословивъ нашихъ бурятъ-казаковъ и проводниковъ-ламаитовъ, угостивъ насъ русскою музыкою, отобравъ достаточно много товара и сдѣлавъ заказъ въ Москву. Изъ всей этой встрѣчи получилось впечатлѣніе, что Богдо-гыгенъ по этикету, не предупрежденный заранее, на своей лѣтней дачѣ не могъ принять насъ иначе, но любезность оказалъ исключительную. Среди насъ былъ волонтеръ экспедиціи молодой русскій композиторъ Б. Б. Красинъ. Онъ предложилъ мысль: спросить, нѣтъ ли у Богдо-гыгена піанино; онъ бы ему что-нибудь сымпровизи-

роваль изъ монгольскихъ пѣсенъ, такъ какъ пріѣхалъ въ Монголію собирать мотивы. Піанино не оказалось, но нашлась фисгармонія. Немедленно ее намъ вытащили на дворъ. Б. Б. Красинъ, несмотря на то, что фисгармонія была попорчена, сѣлъ за инструментъ и взялъ нѣсколько аккордовъ, спросивъ насъ, что сыграть. Кто-то предложилъ: русскій гимнъ. Раздались торжественные мощные звуки нашего, родного сердцу русскому, народнаго гимна „Боже Царя храни“ и понеслись среди монгольской степи. Мы всѣ встали, сняли шляпы и торжественно окружили виртуоза. Богдо-гыгенъ съ женою, князьями и всею свитою вышли изъ своей комнаты, и когда ему объяснили, что играется, тоже сняли свои головные уборы и торжественно молчаливо прослушали гимнъ Цаганъ-Хану (Бѣлому Царю) во дворцѣ національнаго главы монголовъ Богдо-гыгена. По окончаніи гимна экспедиція прокричала „ура“, и гимнъ былъ повторенъ еще два раза: одинъ разъ—по желанію Богдо-гыгена. Получилась совершенно неожиданная, импровизированная какъ бы политическая демонстрація. Послѣ гимна Б. Б. Красинъ сыгралъ „Славу“ Богдо-гыгену и получилъ искреннюю признательность его; мы и „Славу“ прослушали, стоя съ открытыми головами. Затѣмъ было сыграно нѣсколько монгольскихъ пѣсенокъ, тутъ же съимпровизированныхъ композиторомъ, чѣмъ былъ приведенъ въ изумленіе и восторгъ Богдо-гыгенъ и его окружающіе; особенно шумно выражала свой восторгъ жена Богдо-гыгена. Послѣ этого импровизированнаго концерта, даннаго нами въ отвѣтъ Богдо-гыгену за его угощеніе насъ русскими пѣснями на грамофонѣ, самимъ имъ выбранными и поставленными, Богдо-гыгенъ презентовалъ намъ свой личный портретъ и просилъ насъ заказать въ Москвѣ напечатать его портреты. Любезность эту мы рѣшили тутъ же сдѣлать; Г. И. Колчевскій взялся все это устроить. Послѣ небольшого совѣщанія мы рѣшили всѣ отобранные Богдо-гыгеномъ товары подарить ему отъ „Москвы“, что тутъ же и привели въ исполненіе. Тогда Богдо-гыгенъ, чтобы, очевидно, не остаться въ долгу, сдѣлалъ заказъ разныхъ товаровъ изъ Москвы и тутъ же уплатилъ впередъ тысячу съ лишнимъ рублей денегъ за сдѣланный заказъ. Визитъ нашъ затянулся очень долго, только къ семи часамъ вечера мы вернулись домой. Кстати упомянуть, что во время нашего визита мы имѣли случай лично наблюдать, какъ наши ургинскіе коммерсанты умѣло и безцеремонно эксплуатируютъ Богдо-гыгена, продавая ему всякій хламъ за цѣну, превышающую въ десять разъ ихъ стоимость. Такъ что черезъ день-два къ намъ пріѣзжали отъ Богдо-гыгена его придворные, прося еще принять нѣсколько заказовъ, и

говорили, что Богдо-гыгенъ сказалъ: „Это—настоящіе русскіе купцы, а не эксплуататоры; у такихъ можно покупать“. Но мы пріѣхали не торговать, а изучать, въ противномъ случаѣ такой обстановкой можно бы сразу воспользоваться и составить сразу прочное положеніе торговому предпріятію не только въ Ургѣ, у монастырскаго населенія, но думается, что, при покровительствѣ Богдо-гыгена, ламъ и князей,—и во всей Монголіи. Конечно, нужно только ставить дѣло коммерчески, а не хищнически.

Въ слѣдующій день рано утромъ открыли мы свою торговлю. Весь день торговля шла очень ходко, народу перебивало много: китайцы, монголы и русскіе толпились цѣлыми днями. Для насъ было важно лично наблюдать, въ какой мѣрѣ, какой товаръ, по какой цѣнѣ можетъ идти; первые дни торговали нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи сами, а затѣмъ торговлю велъ главнымъ образомъ Ар. П. Соболевъ и казаки; наблюденія получались интересныя.

15 іюня были съ официальнымъ визитомъ у китайскаго амбана (губернаторъ), извѣстнаго Сандо. Молодой, образованный и энергичный китайскій губернаторъ сталъ въ натянутыя отношенія къ Богдо-гыгену, какъ сторонникъ полной аннексіи Монголіи и превращенія ея въ китайскія провинціи. Встрѣтилъ онъ насъ любезно и довольно торжественно, велъ очень оживленный обмѣнъ мнѣній, высказывалъ нѣкоторые взгляды на положеніе Монголіи, на торговлю, на значеніе Ургино-Кяхтинской желѣзной дороги, разспрашивалъ насъ.

Остальные дни въ Ургѣ экспедиція провела, изучая въ деталяхъ торговлю, раздѣляясь группами и посѣщая лавки, рынки, склады, или принимая у себя китайцевъ, монголовъ, князей; даже пріѣзжали къ намъ многія монгольскія дамы-княгини, кое-что покупали, смотрѣли.

По вечерамъ экспедиція собиралась и обмѣнивалась впечатлѣніями по программѣ экспедиціи.

Наконецъ, пора было двигаться и дальше.

25 іюня снарядились въ далекій путь черезъ Гоби въ Калганъ С. А. Вильгузъ и А. П. Лельковъ. Спасибо большому начальнику ургинской почтово-телеграфной конторы г. Бордаковскому за его любезное содѣйствіе къ отправленію этого отдѣленія экспедиціи. Онъ устроилъ все для этого путешествія, уступивъ и фудутунку, въ которой должны были нѣсколько недѣль прожить наши товарищи въ тяжеломъ пути черезъ Гоби, въ самое жаркое время, въ іюль. — Жилище не важное: двое въ этомъ экипажѣ могли размѣститься только бокомъ и съ согнутыми ногами. Пожелали счастливаго и удачнаго путешествія нашимъ товарищамъ, и стали собираться и мы въ путь.